

## Пути российского образования и Православие

*Ἐγὼ εἰμι ἡ ὁδὸς καὶ ἡ ἀλήθεια καὶ ἡ ζωὴ·  
οὐδεὶς ἔρχεται πρὸς τὸν πατέρα εἰ μὴ δι' ἐμοῦ.*

*Ioh. 14. 6*

### I

Проницательный французский адвокат и политик прошлого века Токвиль (Charles Alexis Clerel de Tocqueville, 1805 – 1859) сокрушался о том, что прошлое больше не освещает будущее и человеческий ум блуждает впотьмах. Впрочем это не помешало ему высказать сильное предположение, которое оказалось чрезвычайно актуальным и соблазнительным в нашем веке: дав анализ американской пенитенциарной системы, а затем рассмотрев американскую демократию в целом (*De la Démocratie en Amérique*, 1835 – 1840), Токвиль пришел к выводу, что последовательное проведение ее принципов в жизнь будет в конечном счете означать конец истории.

Эта концепция была выдвинута в то самое время, когда набрал силу и ведущим в Европе оказался исторический взгляд на мир, постепенно ставший реальностью массового сознания благодаря беспрецедентной активности философов и при целенаправленной поддержке государственных структур, создавших в Европе систему образовательных и научных институций, определивших духовную жизнь обезбоженного Запада. Именно в XIX веке укрепляется представление об историзме как о некоем мировоззрении и даже некоей особой науке, стоящей над исторической наукой в узком смысле слова и в целом определяющей наш взгляд на человека и историю человеческого общества. И только в XIX веке историзм окончательно заменяет Священную историю, в рамках которой проводил некоторые свои построения еще Кант.

Одним из пропагандистов историзма в XIX веке был Гегель, другим — его ученик Маркс. Духовные наследники последнего реализовали идеи историзма на практике в России и ряде других стран. Как помнит значительная часть населения нашей страны, по хрущевским прогнозам история должна была закончиться при жизни «нынешнего поколения», которое уже должно было жить в постистории — при коммунизме.

Другой ветвью историзма следует признать и тот образ мысли, который еще совсем недавно проявился с обескураживающей прямолинейностью в концепции Френсиса Фукуямы (Fr. Fukuyama), объявившего конец истории в связи с наступлением эры либеральной демократии. Согласно этому мечтательному взгляду, либерально-демократический режим, принципиально и в полноте удовлетворяющий одну из главных потребностей индивидуума — признание его человеческого достоинства, означает конец истории, поскольку после крушения коммунизма на территории Советского Союза и падения просоветских режимов в «странах социалистического лагеря» в мире нет принципиального противодействия планетарному распространению либеральной демократии американского толка.

Фукуяма подчеркивает, что представление о конце истории свойственно и марксизму, согласно которому разрешение всех противоречий принципиально достигается в коммунистическом обществе, и что сама эта концепция заимствована Марксом у Гегеля. При этом Фукуяма опирается на русского эмигранта, родившегося в Москве и преподававшего в 30-х годах в Париже, Александра Кожева (А. Којѐве, 1902—1968). Последний в духе экзистенциализма и атеизма реанимировал для Западной Европы Гегеля, философия которого в то же самое время исправно работала на диалектический и исторический материализм в Советском Союзе.

В отличие от Фукуямы я предпочитаю — как это делает один из ведущих современных специалистов по «истории истории» Франсуа Артог<sup>1</sup> — говорить о конце «режима историзма», но не о конце истории. Эпоха историзма завершилась так же, как завершилась эпоха мушек или эпоха великих метафизических систем. Это не значит, что при желании нельзя еще и сегодня украсить мушками или сочинить новую метафизическую или историософскую систему; это значит только, что уже наступила новая эпоха, и хорошо было бы честно осмыслить ее требования и откликнуться на них.

Я рассматриваю этот вопрос в работе «Европейский историзм (некоторые аспекты проблемы)» (в кн.: Античность—Европа—история. М.: ГЛК, 1999). Вкратце существо подхода состоит в следующем.

Наряду с беспрецедентным развитием точных и естественных наук, ставших непосредственно определять развитие техники и производства в поствозрожденской Европе, другой важнейшей приметой этого этапа европейской истории следует считать выделение в самостоятельный блок так называемых «гуманитарных наук», которые постепенно стали толковаться в этимологическом смысле сло-

<sup>1</sup> *Hartog Fr.* Time, History and the Writing of History: the Order of time // KVHAA Konferenser 37. Stockholm, 1996, p. 111.

ва как «науки о человеке»<sup>2</sup>. Эти последние также стремились непосредственно влиять на развитие общества и характер государственного правления, и постепенно складывалось представление о некоей общей науке, которая окончательно осознала себя во всей своей научности к XIX веку. *Историзм*, или *историцизм*, или *историка*, или *философия истории*, *историософия* и *историология*, а также *исторический материализм* — за этим множеством имен обезбоженной Европе грезилось примерно то же, что и вбиравшей ее достижения коммунистической России: «наука о законах развития человеческого общества», которая «дает единственно научное понимание истории и служит методом познания общественных явлений», без которого «невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок»<sup>3</sup>.

Один из предрассудков, постепенно сформировавшихся в отношении историзма, заключался в том, что само возникновение исторического взгляда на вещи усматривалось в христианстве, противопоставленном в этом смысле античности. В связи с этим определяющей чертой античности объявлялся своего рода «исторический кретинизм». Как ни плохо сходятся у этого подхода концы с концами, он стал ведущим в либеральной европейской мысли XX века<sup>4</sup>,

<sup>2</sup> Первоначальное значение слова *humanitas* то же, что и греческого слова *παιδεία*, переводом которого оно служило, — общая культура, образованность и воспитанность. В эпоху Возрождения в итальянских университетах возникло жаргонное слово *humanista*, обозначавшее преподавателя классических языков (греческого и латыни), истории, этики. Отсюда — гуманистическое движение, по существу вылившееся в развитие классической филологии. Этимологизация жаргонного слова сделала «гуманизм» одной из размытых общечеловеческих ценностей.

<sup>3</sup> Из статей «Историзм» и «Исторический материализм» в «Большой Советской энциклопедии», т. 19 (ИСТОРИЗМ — КАНДИ). М.: «Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1953, с. 3, 17.

<sup>4</sup> Примером может служить сплошь состоящая из «благих намерений» и вполне беспомощная либеральная философия Ясперса. Незамысловатая демонстрация христианских корней историзма у Ясперса такова: «Большая часть человечества прекрасно обходилась без истории: люди жили вне ее, целиком в настоящем, словно в вечности, словно все всегда было и будет точно так же, как сегодня; они не задавались вопросами и не сомневались, что сами принадлежат размеренному круговороту явлений. Откуда же могла взяться эта новая, столь возбуждающая человека мысль, в зависимости от обстоятельств способная наполнять его чувством невыносимого бессилия или, наоборот, сознанием сверхъестественной власти над ходом вещей? — Мысль эта христианского происхождения. Именно христианство со всей строгостью настаивало на том, что все в истории человечества совершается только один раз: творение, грехопадение, воплощение Сына Божия,

хотя по существу за утверждением христианских корней историзма стоит следующее.

К эпохе Возрождения католицизм был исчерпан как хранитель духовного единства Западной Европы: Запад утратил церковность как вневременную основу здешнего человеческого бытия и утерял реальность Священной истории как его временную канву. Неоспоримым свидетельством этого явилось возникновение и развитие различных форм протестантизма, а также атеизма. Неизбежно возникавшее в связи с этим чувство ущербности и связанной с ним тревоги вызывало стремление заполнить образовавшуюся лакуну в духовной сфере и постепенно привело к появлению разного рода эрзац-форм религиозного чувства и церковности, одной из которых и оказался историзм<sup>5</sup>: в силу знания «законов развития человеческого общества» он давал иллюзию уверенности в реальности еще одного новоевропейского конструкта — единого естественным образом развивающегося человечества. Религия этого Великого существа — нового божества — была в свое время торжественно провозглашена Огюстом Контom, а ее адептами в равной степени оказывались прогрессисты и консерваторы, правые и левые, протестанты и атеисты, коммунисты и либералы.

---

конец света, Страшный Суд. Христианству известен ход мировой истории в целом, etc.» («Ницше и история». Перев. Т. Бородай. М., 1994, с. 45). Ни Ясперс, ни одного из прочих сторонников христианского происхождения историзма не смущает тот факт, что один из первых философов истории Новой Европы Вико отказался в первую очередь как раз от христианской Священной Истории, а предпочел вернуться к античной схеме «боги-герои-люди»; что все историческое мировоззрение исходит из непризнания творения, Боговоплощения, реальности земной жизни Иисуса Христа, Сына Божия, Его крестной смерти и Воскресения, а также грядущего Второго Пришествия и Страшного Суда; что новоевропейский историзм по своему существу и принципиально не знает ни начала, ни конца мира, ему неизвестен ход мировой истории в целом (поскольку именно он и является «предметом исследования»), он постоянно склоняется к идее периодического возвращения, повторения, цикличности и пр., а в настоящее время все больше подчеркивает принципиальную многозначность прошлого и возможность его бесконечной реинтерпретации и наряду с представлением о некоей неопределенности в прошлом хранит уверенность в бесконечной перспективе Человечества в будущем. Как пишет тот же Ясперс, «история... таит в себе бесконечные возможности», а «завершение истории кажется нам невозможным, она движется из одной бесконечности в другую...» (Истоки истории и ее цель. Перев. М. И. Левиной / К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1994, с. 276–277).

<sup>5</sup> Другие формы: с одной стороны, фетишизация науки, с другой — религиозная философия, культурология, психология (в частности психоанализ, предложивший эрзац таинства исповеди в обществе, живущем без Бога, Церкви и священства), etc.

## II

Скромные попытки иных католиков отмежеваться от новой науки и религии ничего не могли изменить ни в старой Европе, ни в мире в целом, все более «проникавшемся» ценностями научности, либерализма и демократии<sup>6</sup>. При этом такие факты современной истории, как две мировые войны, тоталитарные режимы, губительные для вовлеченных в сферу всемирно-исторического экспериментирования народов, а также «локальные конфликты», а по существу — бесконечные войны, постоянно и повсеместно ведущиеся ради распространения сферы влияния наиболее прогрессивных форм новой религии, ее норм и ценностей (общечеловеческих, разумеется), рассматриваются ее адептами преимущественно как искажения «генеральной линии истории» и сами по себе принципиально никого не смущают. Подтверждением этому как раз и служит сравнительно недавняя и сразу приобретающая популярность концепция Фукуямы. Можно сказать, что его «конец истории» — последний миф уходящего историзма.

Между тем при трезвом взгляде на двухтысячелетнюю историю реально известной нам в нашем собственном опыте европейской цивилизации — единственной цивилизации, вместе с христианством получившей планетарное распространение, — нельзя не обратить внимание на следующее.

Принципиально полнее изученная и лучше известная нам история Западной Европы, как раз и позволяющая говорить о планетарном распространении европеизма, легко распадается на три периода. Первый — эпоха до религиозного разделения Востока и Запада; второй — господство католицизма; третий определяется распространением протестантизма, чье влияние последние три века европейской истории безусловно оказывается доминирующим.

Последнее представляется почти очевидным в свете знаменитой книги Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904). Точно так же господство католицизма на Западе с IX по XV век включительно едва ли нуждается в специальном доказательстве. О чем в таком случае идет речь в связи с этой тривиальной констатацией? — Речь идет о перспективе.

Фиксируя конец историзма, мы устанавливаем конец того ду-

<sup>6</sup> «...современные представители ортодоксального христианства, подобные К. С. Льюису, ставят под сомнение саму возможность христианской интерпретации истории и заявляют, что предполагаемая связь между христианством и историзмом есть в значительной степени иллюзия» (*Досон К.* Христианский взгляд на историю. — Цит. в перев. И. В. Цуриновой по изд.: *Философия истории. Антология.* Составление, редакция и вступительная статья Ю. А. Кимелева. М., 1995, с. 248).

ховного движения, которое постепенно и — как казалось<sup>7</sup> — бесповоротно для Западной Европы отменило реальность Священной Истории, в пределах которой Запад мыслил себя в эпоху безусловного господства католицизма.

Я менее всего призываю вернуться к Священной истории тех, для кого она никогда и ни в каком смысле не была реальностью, и тем более не призываю искусственным образом моделировать свое поведение в рамках соответственной — также искусственно реанимированной — картины мира.

Я просто обращаю внимание на то, что свыше пятнадцати из еще не полных двадцати веков нашей, то есть христианской, эры у европейцев была другая картина бытования человечества во времени, а также на то, что абсолютная реальность и жизненность Священной истории, ее истинность не только по отношению к прошлому, но и ко вполне ведомому будущему, — в котором людей ожидает второе пришествие Спасителя и Страшный Суд, — остается незыблемой для части католиков и для православных христиан. И свою задачу на этом земном пути они по-прежнему видят не в построении светлого будущего при сомнительном настоящем, а в том, чтобы самому достойно пройти этот путь, не погубив своей души и не соблазнив ближних.

Как бы ни стонали иные «христиане постмодернистской эпохи» по поводу того, что мы живем в мире, который перестал быть христианским, просто христиане помнят, что сама христианская эра началась в мире, который, разумеется, еще не знал христианства кроме как в обетовании, внятном для очень немногих; и за все уже почти две тысячи лет, прошедших с Рождества Христова, может быть, никогда христианство не доминировало количественно.

Но из-за того, что безусловное большинство допотопного человечества стало нечестивым, род Адама благодаря благочестивому Ною не пресекался; и хотя значительная часть советского народа в шестидесятые-семидесятые годы впервые узнавала о Христе по «Евангелию от Сатаны» Михаила Булгакова, — в России не погибли вера во Христа и единящее с Ним Православие.

Я не думаю, что сегодня кому-то из серьезных политиков в нашей стране неясно, что именно судьба Православия в России в

---

<sup>7</sup> «Фейербах и Маркс так же, как и Конт с Ницше, были убеждены, что вера в Бога исчезла навсегда. Это солнце удалилось с нашего горизонта и больше никогда не взойдет, считали они. В своих замыслах и намерениях они полагали свое безбожие окончательным и законченным, поскольку, думали философы, оно имело то преимущество перед древним и античным атеизмом, что снимался сам вопрос, порождающий Бога в сознании...» (А. де Любак. Драма атеистического гуманизма // «Христианская Россия». Милан-Москва, 1997, с. 5).

значительной степени определяет судьбу самой России. Более того, я совершенно уверен в том, что правильное отношение к Православию в мире и к Русской Православной Церкви в значительной степени определяет сегодня успех международной политики.

В России с легкостью создаются образы врагов России и Православия: сказывается большой и печальный опыт, в значительной степени навязанный стране и ее народу. Но хотя у нас достаточно примеров, показывающих, что позицию православных в стране и в мире ценят и уважают именно как таковую, все же примеров явного противостояния развивающемуся Православию в России покамест едва ли не больше.

Речь идет прежде всего о распространении самых разнообразных религиозных сект, а также о той заботе, с какой «девственную» и «дикую» Россию приобщают к мировой «светской культуре»: первыми массовыми проявлениями этой культуры оказываются культ секса и насилия в прессе, на телевидении и других СМИ; следующей приоритетной сферой противостояния оказывается образование и воспитание: в борьбе за эту сферу светская культура и религиозное сектантство нередко объединяются. Так закрепляется на других основах та гомогенизация общества, без которой не мог держаться в стране атеистический режим коммунистов и благодаря которой любое «открытое общество» в любой стране оказывается безусловно управляемым.

Я пишу «в любой стране», а про себя думаю: «но не в России». И я полагаю, что вместе со мною это понимают многие, причем не только у нас, но и на Западе и на Востоке. И предзнаменует эту хорошо организованную Россию промыслительно избранный ею флаг, на котором белое осеняет голубое и красное. Если мы вспомним, что по одному из толкований белое символизирует стоящую над политикой Церковь, голубое и красное — аристократию и народ, нетрудно понять, на чем должна быть сосредоточена наша воля и на что направлены наши силы.

### III

Из России не удастся сделать «доброе соседя» путем насаждения этих искусственных цивилизованности и культурности, опирающихся на гуманизм и «общечеловеческие ценности». И хотя Россия неизбежно будет их вбирать и на свой лад перерабатывать, до стабильности на этом пути дело не дойдет. Наш XIX век тому пример: нигилизм и атеизм, тут же прихватившие в компанию коммунизм, были усвоены и реализовались на практике гораздо быстрее, нежели смогло развернуться тоже достаточно мощное и

уже начинавшее давать свои плоды образовательное движение, — крошечной частью этих плодов мы продержались весь коммунистический период.

Гомогенизация общества на новых началах неизбежно приведет только к одному: к ожесточению борьбы за власть внутри страны. При отсутствии реальной идеологической программы, которая действительно может получить поддержку большинства населения, и — тем самым — при отсутствии реальной опоры в децентрализованном обществе это неизбежно приводит к тому, что противоборствующие внутри страны политические силы ищут поддержки за ее пределами.

На какие альянсы может толкать Россию ради собственного усиления та политическая сила, которая оказывается в ней ведущей или хочет быть таковой, — показывает вся наша история. В этом смысле политический утилитаризм российских политиков традиционно не знает никаких ограничений. Поэтому питать иллюзии относительно того, что все большая деструкция массового сознания россиян приведет к бесхребетной, податливой, мирной (смирной) России, может только тот, кто просчитывает не больше, чем на шаг вперед. Только хорошо структурированная Россия, умеющая направлять по хорошо организованным каналам Богом данную необыкновенную энергию своего народа, будет действительно предсказуемой и сможет стать фактором реальной стабилизации в мире.

Поэтому сейчас основной вопрос для России — создание хорошо структурированного общества, на отчетливо обозначенные силы которого может опереться реальная внутренняя политика. Но в то же самое время будет решаться и основной вопрос положения России на международной арене: Россия должна самой своей структурой в целом и сочетанием ее отдельных элементов демонстрировать, что ее политика — не автоматический результат посткоммунистической инерции; не игра ангажированных партий или отдельных персон, делающих карьеру, состояние etc.; и не рефлекторное стремление к повсеместному лавинному расползанию и вползанию в политическую сферу так или иначе оказавшихся на гребне финансовых или промышленных группировок, которые более или менее тесно связаны с криминальными структурами. И мы сами, и наши соседи должны прогнозировать нашу страну в силу выявленности составляющих ее групп и определенности их тенденций.

На что здесь можно было бы реально опереться? — Как и во всякой нормальной политике — на уже имеющиеся и проявившие себя тенденции. Укажу только на те, которые мне близки и в той или иной степени знакомы.

Речь идет все о той же образовательной сфере. Именно эта сфера всегда и неизбежно связана с самой многочисленной, здоровой и работоспособной частью общества: то есть с теми, кто либо учится сам, либо учит своих детей, либо совмещает то и другое. Эта часть общества в определенном смысле определяет все общество и его будущее: отношение к своему образованию и к образованию своих детей формирует как структуру общества, так и его перспективы. Поэтому сегодня достижение реальных успехов в образовательной сфере может определить успех всей нашей внутренней политики и задать парадигму внешнеполитического курса, исходящего из реальных интересов самой здоровой и работоспособной части нашего общества, составляющей большинство населения страны.

При этом все решит не насаждение того или иного вида образования, но:

— **проведение при поддержке Церкви твердой установки на восстановление традиционных для России форм добротного образования как в государственных, так и в негосударственных школах;**

— **реальная помощь семьям, дающих своим детям добротное образование;**

— **создание условий для того, чтобы получившие в России добротное образование молодые люди могли в России же его полноценно использовать.**

У нас уже сейчас действует — как он действовал и в коммунистической России — своего рода «сертификатный ценз»: некогда красная профессура, а затем доктора и академики в Политбюро задавали почтение к «корочкам», неизжитое и по сей день. Между тем в подавляющем большинстве представительных, законодательных, административных и производственных сфер должен постепенно установиться не сертификатный, а в полном смысле слова образовательный ценз. Именно это и должно стать основой структуризации общества.

В связи с этим в средней школе должно максимально поощряться не всякого рода безоглядное экспериментирование, а давшие прекрасные плоды в царской и послереволюционной России соответственно классическое и реальное образование. При этом классическое образование, всерьез начавшее развиваться у нас в XIX веке и столь решительно уничтоженное при коммунистическом режиме, должно стать основой и крепой всей системы образования.

Существование классического образования — в полноценном развитии всех сторон души учащегося. То, что оно в подлинном смысле доступно очень немногим способным детям из самых разных слоев

общества, должно приучить нас ценить это драгоценное меньшинство, которое составляет цвет нации, ее Богом отмеченную часть. Призвание этой элиты — смиренно и ревностно служить воспитавшей ее стране — реализуется в силу той реальной привязанности, которую дает хорошее образование и воспитание. И само наличие такой служащей элиты неизбежно окажется для страны самым надежным стабилизирующим фактором.

Именно уничтожение классического образования и отсутствие реальной установки на воспитание целостного человека подрывало советскую образовательную систему в целом и, в частности, то добротное «реальное» образование, которое получали наши представители технических специальностей в Советском Союзе, достигшем беспорных успехов в развитии военной и космической техники, но несмотря на это провалившемся в то зловонное болото, которое было им избрано в качестве идеологического фундамента.

Бегство «мозгов» из страны неизбежно, когда одни только «мозги» фаршируют и эксплуатируют в разного рода и масштаба «шарашках», решительно забывая при этом о человеке в целом. Но именно этого принципиально не допускает европейское классическое образование, основы которого были заложены в античности и во всей своей силе развиты христианством: именно оно исходно определяло основы нашей духовности, и к этой основе мы со всеми нашими образовательными структурами принадлежим до сих пор, — вопреки всем «паломничествам в страны востока», «евразийству» и прочим мечтательным концепциям, создаваемым в рамках все того же европейского историзма.

Однако ясно, что никакие призывы к поощрению добротного образования никогда не будут услышаны, если не будет реальных прецедентов. Эти прецеденты нельзя искусственно подготовить: их можно только опознать и понять, какова та реальная потребность и сила, которые за ними стоят.

Мне представляется принципиальным тот факт, что возрождение Православия в России идет рука об руку с развитием множества образовательных учреждений, создаваемых в ограде Русской Православной Церкви (Московского патриархата), окормляемой Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, и выстраивающих свои образовательные программы на основе православного мировоззрения. При этом принципиально важно, что в этих учебных заведениях уделяется значительное внимание элементам классического образования — древним языкам, делающим для нас живым Священное Предание в его истоках. Поисков покамест, может быть, больше, чем беспорных достижений, но есть и они. Приведу только всем очевидные конкретные примеры.

Самое мощное и перспективное из возникших недавно православных высших учебных заведений — Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, возглавляемый протоиереем Владимиром Воробьевым, серьезное внимание уделяет преподаванию древних языков, а также стремится восстановить традиционное гимназическое образование.

Принципиально важен и тот факт, что Православный Университет им. Св. Иоанна Богослова возглавляет филолог-классик по образованию — игумен Иоанн Экономцев, который, будучи одновременно Председателем Отдела религиозного образования и катехизации, стал организатором самых представительных и влиятельных православных образовательных форумов — Международных Рождественских образовательных чтений, проходящих под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. О том, что эти чтения уже стали значимым событием общественной жизни страны, свидетельствуют последние Седьмые чтения, проходившие в Московской Мэрии в январе 1999 года и продемонстрировавшие реальное признание роли православного образования в развитии современной общеобразовательной и высшей школы.

Но, пожалуй, самым реальным свидетельством жизненной потребности в развитом классическом образовании служат новые программы Духовных школ, вступающие в силу с сентября 1999 года. Непосредственно сталкиваясь с подготовкой к введению этих программ в Московской Духовной Академии и Семинарии, я могу сказать, что здесь принципиальное внимание уделяется изучению святоотеческой традиции на основе серьезного изучения двух основных языков Древней Христианской Церкви — греческого и латинского. В течение трех лет я занимаюсь древними языками с учащимися Духовной Семинарии и Академии, а также с послушниками и монахами Свято-Троице-Сергиевской Лавры, и чрезвычайно высоко ценю господствующую здесь благоприятную атмосферу, которая способствует воспитанию в Церковной ограде специалистов высокого уровня в области изучения Новозаветных и святоотеческих текстов на языке оригинала.

Внимание, которое уделяет развитию классического образования Епископ Верейский Евгений, Ректор Московской Духовной Академии и Семинарии, проявилось не только в создании в Академии Греческого кабинета, но и в той помощи, которую Его Преосвященство оказывает Классической гимназии при Греко-латинском кабинете как член ее Попечительского Совета.

С этой жизненной заинтересованностью в подлинном овладении элементами классического образования нам приходится стал-

киваться и на курсах древних языков Греко-латинского кабинета, среди слушателей которых — монахи, священники и православные миряне. Помимо этого, к нам обращаются представители православных монастырей, обителей, общин, создающих свои школы и всерьез интересующихся работой нашей классической гимназии. Мы ведем совместную педагогическую работу с гимназией Свято-Алексиевской Пустыни под Переславлем-Залесским, со школой при Свято-Николаевском Белогорском монастыре Пермской епархии, организуем чтения по истории образования в России и думаем об организации в Перми классической гимназии; мы надеемся на развитие контактов с Томском и Екатеринбургом, Рязанью и Клином, где есть подлинные ревнители просвещения и добротного классического образования на православной основе. Именно в связи с этой практической потребностью мы в сентябре этого года объявляем набор на подготовительное отделение Высшей Классической школы при Греко-латинском кабинете, открытие которой намечено на 2000 год.

В Высшей классической школе предполагается два отделения: классической филологии и подготовки гимназических преподавателей. В число вступительных экзаменов помимо изложения войдут греческий, латынь и Закон Божий, а также экзамен по математике или истории, — в зависимости от специальности, которую изберет для себя будущий преподаватель классической гимназии. Ясно при этом, что самое серьезное внимание нужно будет уделить заочному обучению, формы которого мы тщательно продумываем, поскольку непосредственный контакт учащегося с учащим при изучении древних языков и в особенности при чтении авторов в значительной степени определяет успех дела.

Мы понимаем, что накануне третьего тысячелетия нашей христианской эры мы в очередной раз стоим в самом начале пути; но, думаю, более всего мы должны радоваться о том, что этот единственный путь открыт для нас. Возможно это только потому, что, по словам о. Георгия Флоровского, «Православие есть не только предание, но и задача, — нет, не искомое, но данное, но сразу и заданное, живая закваска, растущее семя, наш долг и призвание»<sup>8</sup>. Но не гегелевского синтеза ищем мы на этом пути, ведущем в жизнь (Мф. 7. 14), а подлинного возвращения и пребывания в Том, Кто сказал о себе: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 14. 6).

---

<sup>8</sup> Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937, 1983<sup>3</sup>, с. 520.